

ПРОЛОГ

Пятнадцатилетняя Нелл Макдермотт развернулась и поплыла к берегу. Яркое солнце на безоблачном небе, свежий ветерок, сдувающий с волн клочья соленой пены, — все отзывалось в ее теле юношеским восторгом. Едва приехав на Мауи*, Нелл решила, что здесь ей нравится гораздо больше, чем на побережье Карибского моря, где они всей семьей ежегодно проводили послерождественские каникулы.

Вообще-то слово «семья» было преувеличением. Уже четвертый год их семья состояла лишь из Нелл и ее деда. В один из несчастливых дней Корнелиуса Макдермотта, легендарного конгрессмена от Центрального Манхэттена, вызвали прямо с заседания Палаты представителей. Увидев лица служащих Конгресса, он сразу понял: случилось что-то очень серьезное. Макдермотт не ошибся. В джунглях Бразилии разбился небольшой самолет, зафрахтованный американскими антро-

* Один из островов Гавайского архипелага. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

пологами... В тот день Корнелиус Макдермотт лишился сына и невестки, а Нелл потеряла родителей.

Он сразу же помчался в Нью-Йорк, в школу, где училась внучка. Такую новость она должна была услышать от него, а не от чужих людей. Нелл он нашел в кабинете медсестры. Девочка плакала. Макдермотт обнял внучку и в перерывах между всхлипываниями услышал:

— Когда утром мы возвращались с перемены, я вдруг почувствовала... Папа и мама... Они были здесь. Они пришли... проститься со мной... Я их не видела, но ощутила... мамин поцелуй. А папа... он провел пальцами по моим волосам.

В тот же день Нелл вместе с домработницей, присматривавшей за ней во время родительских поездок, перебрались в мрачноватое здание из бурого песчаника, что находилось на Семьдесят девятой улице. В дом, где родились и выросли ее отец и дед.

Сейчас, плывя к берегу, Нелл уловила отблеск этих мыслей. Она торопилась к деду, сидевшему на берегу под широким зонтом. Они даже не распаковали вещи, однако старик все же уступил внучке и позволил ей чуточку поплавать. Нелл чувствовала: еще несколько минут, и дед начнет нервничать. Во-первых, он успел проголодаться. А во-вторых, нормальные люди сначала устраиваются в гостиничном номере и не бегут стремглав на пляж. Нелл с ранних лет знала, что деда ни в коем случае нельзя держать голодным и заставлять ждать.

Корнелиус Макдермотт сидел на складном стуле, погруженный в чтение книги. Этой сосредото-

ченности хватит на ближайшие пять минут, а потом... Не желая испытывать терпение деда, Нелл поплыла быстрее.

— А ну-ка, поднимем волну! — крикнула она себе.

И вдруг... берег исчез, будто Нелл поменяла направление. Но такого быть не могло. Она ведь торопилась к берегу. «Что такое?» — начиная волноваться, подумала девочка.

Берег не появлялся, словно он внезапно провалился в океан. Оцепенев, Нелл открыла рот и приготовилась позвать на помощь, однако вместо крика наглоталась соленой воды. Отфыркиваясь и кашляя, она ловила ртом воздух, изо всех сил стараясь держаться на плаву.

Морской водоворот! Как еще называется это явление? Отбойная волна. Пока дед улаживал формальности с гостиничным администратором, Нелл бродила по вестибюлю и случайно услышала разговор двух служащих. Оказалось, отбойные волны здесь не редкость. На прошлой неделе такая же волна появилась вблизи противоположного берега. Несколько человек утонули. Это Нелл узнала из слов первого служащего. Второй ему возразил, сказав, что парни утонули по собственной глупости. Они пытались сопротивляться волне, а нужно было покориться ей, и тогда она вынесла бы их на безопасное место.

«Морской водоворот, называемый также отбойной волной, возникает в результате лобового столкновения двух морских течений». Это описание Нелл как-то вычитала в журнале «Нэшнл

джиографик», и сейчас, молотя руками по воде, вспомнила его практически дословно.

Но как же не сопротивляться волнам, если они — черные, бурлящие — норовят утащить ее вниз, на дно? «Я не могу покориться волне! — с ужасом подумала Нелл. — Не могу. Если я перестану работать руками, меня унесет неведомо куда».

С большим трудом ей все же удалось повернуть голову и увидеть берег с ярким разноцветным зонтом, под которым сидел дед.

— Помогите! — почти прошептала Нелл, боясь, что крик опять заполнит ее горло соленой водой.

А течение несло ее все дальше от берега, одновременно пытаясь утопить.

В отчаянии Нелл перевернулась на спину и опустила руки. Однако через несколько секунд она продолжила сражение с волнами, холодея при мысли, что они все равно уносят ее прочь от берега и лишают малейшей надежды на помощь.

«Я не хочу умирать! — твердила она себе. — Не хочу!» Волна равнодушно скидывала девочку на своем гребне, швыряла вниз и неумолимо относилась в открытый океан.

— Помогите! — повторила Нелл и громко заплакала.

Отбойная волна освободила ее из своих пенистых цепей столь же внезапно, как и пленила. Нелл барахталась, стремясь держаться на поверхности. «Теперь я понимаю, о чем говорили те двое. Меня вышвырнуло за пределы морского водоворота. Только не вздумай угодить в него снова! — приказала она себе. — Обогни его».

Легко сказать, обогни. Нелл выбилась из сил. Волна отнесла ее слишком далеко от берега. Сейчас он казался едва ли не полоской на горизонте. Девочка чувствовала, что ей туда не доплыть. У нее смыкались отяжелевшие веки. Вода стала приятно теплой, похожей на одеяло. Нелл потянуло в сон.

«Плыви, Нелл! Ты обязательно доплывешь!» — прозвучал в ее мозгу голос матери.

«Нелл, не смей останавливаться!»

При жизни отец никогда ей не приказывал. Но сейчас его повелительный тон выбил Нелл из обволакивающей дремы. Не раздумывая, девочка поплыла в сторону, а затем стала двигаться по дуге, огибая опасный участок. Каждый вздох давался ей с трудом и больше напоминал всхлипывание; каждый взмах рук требовал невероятных усилий, однако Нелл упрямо двигалась к берегу. Спустя несколько минут ее, обессиленную, подхватила приливная волна и помчала в нужном направлении. Сердито подняв Нелл на гребень, волна выбросила юную упрямыцу на крупный мокрый песок.

Дрожа всем телом, Нелл попыталась встать. Еще через мгновение сильные руки деда подхватили ее и поставили на ноги.

— Я уже собирался звать тебя, — отчеканил Корнелиус Макдермотт. — Больше я тебя сегодня в воду не пущу. Видишь, на будке спасателей подняли красный флаг? Я слышал, где-то вблизи берега гуляют отбойные волны.

Не в состоянии вымолвить ни слова, Нелл лишь кивнула.

Мэри Хиггинс Кларк

— Ты же вся дрожишь. Доплавалась, — озабоченно пробурчал конгрессмен Макдермотт, стаскивая с себя махровый халат и закутывая в него внучку. — Сейчас не тот сезон, чтобы подолгу торчать в воде.

— Спасибо, дед, — стуча зубами, ответила Нелл. — Это я с непривычки.

Нелл знала, что ее любящему и слишком реалистично мыслящему деду лучше ничего не говорить о случившемся. В особенности о ее мысленном общении с родителями. Даже убитый горем, дед тогда не пожелал слушать ее рассказы, приписав их детской фантазии. А теперь, чего доброго, он назовет ее слова юношескими бреднями.

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

8 ИЮНЯ, ЧЕТВЕРГ

1

Нелл быстро шла по знакомому маршруту от своей квартиры в доме на углу Парк-авеню и Семьдесят третьей улицы до офиса деда, располагавшегося вблизи пересечения Семьдесят второй и Йорк-авеню. Судя по безапелляционному тону экс-конгрессмена Макдермотта, велевшего внучке явиться к трем часам, ее ждал разговор о Бобе Гормане — нынешнем конгрессмене от штата Нью-Йорк. Разговор с дедом не предвещал ничего хорошего.

Погруженная в раздумья, Нелл не замечала восторженных взглядов, что порой бросали на нее прохожие. Ничего удивительного. Они с Адамом были счастливой парой. Никто не считал Нелл красавицей, но многие называли эту высокую молодую женщину со стройным, сильным телом гимнастки, с каштановыми волосами, темно-синими глазами и выразительным ртом... привлекательной. Дед часто брал ее с собой на встречи, и Нелл привыкла бывать на публике. В юности ее огорчало, что

у журналистов, описывающих эти встречи, не находилось для нее иного эпитета, кроме как «привлекательная».

— Привлекательная! — горячилась она в свои двадцать. — Вежливое иносказание. Когда парень называет девчонку привлекательной, это расшифровывается так: «Конечно, смотреть там особо не на что, но в мозгах и характере ей не откажешь». Такие слова похожи на поцелуй смерти. Я хочу, чтобы меня называли очаровательной, элегантной, ошеломляющей. Пусть даже экстравагантной. Все лучше, чем это безликое «привлекательная».

Ответы деда не отличались разнообразием.

— Не гневи Бога своей глупостью, — говорил внучке Корнелиус Макдермотт. — Будь благодарна за то, что имеешь голову на плечах и умеешь ею пользоваться.

Вот и сегодня ей придется воспользоваться головой, чтобы найти способ увязать воззрения деда на *ее* будущее (ради этого дед ее и позвал) и воззрения Адама на *их* будущее. А это означало принять позицию либо одной, либо другой стороны. Какого-либо третьего, компромиссного, пути попросту не существовало.

В восемьдесят два года Корнелиус Макдермотт почти не утратил своего боевого пыла. Несколько десятилетий подряд он оставался яркой фигурой на политическом небосклоне Америки. В тридцать его впервые избрали в Конгресс представителем от центральной части Манхэттена, где он родился и вырос. На этом посту конгрессмен Макдермотт

прослужил полвека, неизменно отклоняя все предложения баллотироваться в Сенат. Два года назад он решил оставить этот пост, заявив в день своего рождения: «Не хочу отбивать у Строма Тёрмонда* лавры политического должителя Капитолийского холма».

Но отставка отнюдь не была для Макдермотта переходом к безмятежному старческому времяпрепровождению. Он открыл консультационную фирму, по-прежнему дававшую ему возможность оставаться в гуще политической жизни как Нью-Йорка, так и одноименного штата. Для тех, кто лишь входил в большую политику, поручительство Макдермотта было почти что божьим благословением. Много лет назад он придумал сюжет для предвыборного рекламного ролика партии, к которой принадлежал. «Спросите у наших конкурентов: что они сделали для вас?» — вопрошал голос за кадром. Далее следовала тишина, сменявшаяся гулом недовольных голосов. Если Корнелиус Макдермотт появлялся на улице, его неизменно узнавали и уважительно здоровались.

«Шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на этих журналистов. Сделали меня местной достопримечательностью!» — как-то вспылил он. «А признайся честно: если о тебе забудут, дело кончится сердечным приступом, — ответила Нелл. — И ты сам это знаешь».

* Стром Тёрмонд (1902–2003) — сенатор от Южной Каролины. Один из трех американских сенаторов, достигших столетнего возраста, и единственный, кто встретил свой юбилей, продолжая заниматься политической деятельностью.

Придя в офис, Нелл приветливо махнула девушке, сидевшей в общей приемной, и направилась во владения деда.

— Как он сегодня? — спросила она, поздоровавшись с секретаршей.

Лиз Хенли, миловидная шестидесятилетняя шатенка, давнишняя боевая спутница Макдермотта, оторвалась от бумаг и устремила глаза к небесам.

— Ночью бушевали бури, — ответила Лиз.

— Веселого мало, — вздохнула Нелл.

Подойдя к двери кабинета, она постучалась, затем открыла дверь.

— Удачного тебе дня, конгрессмен.

— Опаздываешь, Нелл, — буркнул дед, разворачивая кресло в ее сторону.

— Это по твоим часам. А на моих ровно три.

— Насколько помню, я просил тебя прийти не в три, а к трем.

— Мне пришлось повозиться с одной статьей. К сожалению, по части пунктуальности редактор очень похож на тебя. А теперь почему бы тебе не одарить меня ослепительной улыбкой, от которой всегда таяли сердца твоих избирателей?

— Сегодня мне не до улыбок, — по-прежнему хмуро изрек Корнелиус Макдермотт. — Садись, Нелл, — добавил он, указывая на диванчик, стоявший возле эркера.

Макдермотт намеренно выбрал это помещение под свой кабинет, поскольку из эркерного окна открывался широкий вид на северную и восточную части Манхэттена, где жили его избиратели. «На-

верное, в средние века дед непременно был бы феодалом», — часто думала Нелл.

Присев на диванчик, она взглянула на экс-конгрессмена и поняла, что Лиз была права. На нее смотрели знакомые голубые глаза, но сегодня в них ясно читалась непривычная и несвойственная деду усталость. Он даже не пытался скрывать эту усталость за какой-нибудь наспех нацепленной бодряческой маской. Его бесподобная осанка (дед не горбился, даже когда сидел за столом) всегда делала его выше ростом. При виде его опущенных плеч у Нелл сжалось сердце. Даже знаменитая грива седых волос Макдермотта сегодня показалось ей не такой пышной.

Дед сцепил пальцы и передернул плечами, будто стараясь сбросить с них невидимую ношу. «Он выглядит на свои восемьдесят два», — с горечью подумала Нелл. Открытие было не из приятных; до сих пор она была уверена, что дед обманывает возраст.

Макдермотт долго глядел мимо внучки, затем встал и пересел в удобное кресло, находившееся рядом с диванчиком.

— Нелл, у нас кризис, и ты должна помочь мне выбраться из него. Представляешь, этот проныра Боб Горман не пожелал баллотироваться на второй срок. Его сманили на тепленькое местечко, посулив руководство недавно созданной компанией. Что-то связанное с Интернетом. Естественно, он доработает до конца срока. А потом... Ему, видите ли, не прожить на жалованье конгрессмена! Пришлось ему напомнить, что пару лет назад, ког-

да я помогал ему с выборами, он пел совсем иные песни. Тогда он захлеб говорил о работе для людей и о том, как ему не терпится ею заняться.

Нелл молчала. На прошлой неделе до деда впервые дошли слухи о нежелании Гормана баллотироваться на второй срок. Стало быть, слухи подтвердились.

— Нелл, я знаю лишь одного... да, всего лишь одного человека, способного достойно представлять нашу партию на этом посту.

Он сдвинул брови.

— Ты должна была бы занять мое место еще два года назад... Интерес к политике у тебя в крови. Тебе всегда хотелось вариться в этом котле, но Адам сумел тебя отговорить. Эта история не должна повториться.

— Мак, пожалуйста, не насакивай на Адама.

— Я ни на кого не насакиваю. Мне ли тебя не знать, Нелл! Ты из породы «политических зверюг». Я разглядел это в тебе еще давно и едва ли не с детства натаскивал для большой политики. Да, я не хлопал в ладоши от восторга, когда ты решила выйти замуж за Адама Колиффа. Однако не забывай: это я ему помог утвердиться в Нью-Йорке. Неизвестно, сколько бы еще он прозябал в мелких компаниях. Я свел его с «Уолтерс и Арсдейл» — уважаемой архитектурной фирмой. Я очень дорожу дружбой с этими людьми. Их поддержка всегда была для меня весомой.

Поджатые губы означали, что Корнелиус Макдермотт весьма сердит. Так оно и было.

— Я поручился за Адама, а он взял и подставил меня. Не проработав у них и трех лет, он

ушел. И не просто ушел. Адам переманил к себе их старшего референта, посулив невиданные перспективы в своей фирме. Понимаю, бизнес — неподходящее место для сантиментов. Я не об этом. Адам с самого начала знал о твоих планах на будущее. Насколько помню, он их даже поддерживал. И вдруг — поворот на сто восемьдесят градусов. Мы не скрывали от него, что после моей отставки ты должна будешь занять мое место. Он не имел права ломать твою карьеру. А теперь он, похоже, собирается сломать ее вторично.

— Мак, мне нравится моя нынешняя работа. Я с удовольствием веду раздел в газете. Может, тебе невдомек, но я получаю громадную отдачу от своей работы.

— Не спорю. Ты пишешь чертовски толковые статьи. Но не притворяйся: тебе ведь мало быть газетным обозревателем.

— Послушай, дело вовсе не в Адаме. Тебе не приходило в голову, что я и сама могу не хотеть баллотироваться в Конгресс?

— Честно говоря, нет. И чем же ты намерена заполнить свою жизнь?

— Мак, мы с Адамом мечтаем о детях. Думаю, ты об этом слышишь не впервые. Адам предложил подождать лет десять, чтобы дети хотя бы немного подросли. Через десять лет мне будет всего сорок два. Политики в таком возрасте еще считаются молодыми.

Макдермотт едва дал ей договорить.

— Нелл, через десять лет экспресс политической жизни учится слишком далеко, и тебе оста-

нется лишь вздыхать на перроне. Возможно, в другой сфере жизни можно ждать, но только не в политике. Помнишь, как девчонкой ты сожалела, что слишком мала и пока не можешь играть во взрослые игры? И вспомни-ка свои слова, которые я услышал от тебя в тот день, когда ты решила называть меня Маком.

Нелл подалась вперед и уперла подбородок в сцепленные пальцы... Это произошло, когда она только-только начала учиться в Джорджтауне. Дед попытался было воспротивиться, но она сказала: «Ты всегда говоришь, что я — твой лучший друг, а все лучшие друзья называют тебя Маком. Если я и дальше буду звать тебя дедом, то так и останусь твоей маленькой внученькой. А я не хочу, чтобы на меня смотрели лишь как на твою внучку. Где бы мы с тобой ни появились, мне хочется, чтобы меня считали твоим адъютантом».

В подкрепление своих слов Нелл достала тогда словарь и прочла деду определение слова «адъютант». Помимо общеупотребительного определения «подчиненный при военачальнике» словарь давал и другое, менее известное: «доверенное лицо». «Видит бог, я для тебя и то и другое», — заявила она деду. «И как долго ты намерена мне подчиняться?» — спросил ошеломленный Макдермотт. «Пока ты не уйдешь в отставку и я не займу твое место».

— Помнишь свои слова, Нелл? — спросил Корнелиус Макдермотт, нарушив затянувшееся молчание. — Казалось бы, чего не услышишь от глупых подростков? Но ты говорила как взрослый целеустремленный человек. И я поверил тебе.

— Я помню, Мак, — тихо сказала Нелл.

Дед нагнулся к ней. Их лица разделяла какая-нибудь пара дюймов.

— Нелл, не упусти момент. Если ты прохлопаешь этот шанс, то потом крупно пожалеешь. Едва Горман подтвердит, что не намерен баллотироваться на второй срок, сразу же появятся кандидаты. Мне хочется, чтобы комитет с самого начала рассматривал твою кандидатуру как основную.

— И когда стартует «большая игра»? — осторожно спросила Нелл.

— На ежегодном обеде, который мы устраиваем тридцатого. Вы с Адамом обязательно должны там быть. Там-то Горман и объявит о своем намерении уйти из политики. Конечно, не обойдется без слез и соплей. Горман начнет тереть глаза, шмыгать носом и говорить, как тяжело ему было принять это решение. Но, к счастью, не все так беспросветно. Здесь он вытрет слезки, высморкается и укажет на тебя. Продолжая спектакль, он бодренько заявит, что с радостью уступает свой пост тебе, Корнелии Макдермотт-Колифф. Дальше он произнесет несколько избитых фраз о преемственности, напомнив собравшимся, что твой дед занимал это место почти пятьдесят лет, после чего вернет какой-нибудь эффектный пассаж. Что-нибудь вроде: «На стыке тысячелетий Корнелиуса сменяет Корнелия».

Явно довольный нарисованной картиной, Макдермотт широко улыбнулся.

— Поверь мне, Нелл, это будет принято на ура.

Два года назад, когда Боб Горман готовился сменить деда, Нелл до безумия хотелось все пере-

играть и самой оказаться на этом месте. Но тогда она уступила Адаму. Нет, Мак прав: она из породы «политических зверюг». Если она и теперь не воспользуется шансом, то может крупно опоздать. Этот пост — удобный трамплин для ее будущей политической карьеры, и если она не поднимется туда сейчас, место займет кто-нибудь покрепче Гормана и тогда уже ей там не бывать.

— Нелл, может, у Адама появились какие-то сложности, о которых ты не знаешь сама или не хочешь мне говорить?

— Нет у него никаких сложностей.

— А может, между вами что-то произошло?

— Говорю тебе, нет.

Нелл заставила себя улыбнуться, желая показать деду, насколько нелепы его предположения. На самом же деле Макдермотт попал в точку. Когда это началось? В какой момент их совместной жизни Адам вдруг стал замыкаться в себе? Поначалу он лишь отшучивался от ее вопросов, говоря о журналистских фантазиях. Однако с недавнего времени Нелл почувствовала, что ее попытки докопаться до сути начинают его раздражать и даже злить. «Адам, а может, тебя что-то не устраивает в наших отношениях? — не выдержав, без обиняков спросила она мужа. — По-моему, я заслуживаю того, чтобы знать, в чем проблема. Любая проблема. Самое паршивое — теряться в догадках. Я предпочитаю правду». Адам в очередной раз свалил все на ее «домыслы».

— Где сейчас Адам? — спросил дед.

— В Филадельфии.

— И давно?

— Вчера уехал. У него там выступление на семинаре по архитектуре и интерьерному дизайну. Завтра вернется.

— Мне хочется, чтобы тридцатого числа он стоял рядом с тобой и аплодировал твоему решению. Договорились?

— Я могу обещать, что приведу его на этот обед, а вот насчет аплодисментов... Не думаю, что его потянет аплодировать.

— Когда вы готовились пожениться, он, кажется, был в восторге от будущей политической карьеры своей жены. До сих пор не пойму, чем вызвана такая перемена воззрений.

«Не чем, а кем, — мысленно ответила деду Нелл. — Тобой, мой дорогой конгрессмен. Адам просто ревнует меня к тебе».

В первые месяцы после их женитьбы Адам и впрямь с энтузиазмом относился к ее политическим устремлениям. Он был не против, чтобы она и дальше помогала деду. Она не слышала от мужа ни единого возражения. Нелл казалось, что Адам принимает это как аксиому. Но стоило Макдермотту объявить о своей грядущей отставке, как все переменялось.

— Нелл, наконец-то у нас с тобой появился шанс начать жизнь, которая не будет крутиться вокруг всемогущего Корнелиуса Макдермотта, — сказал ей тогда муж. — Мне невыносимо видеть, как он всецело распоряжается твоим временем. Он забыл, что у тебя есть право на свою жизнь? Что, в конце концов, существует наша совместная

жизнь? Думаешь, если ты займешь его место, у тебя будет больше свободы? И не мечтай! Твой дед будет предварять каждый твой шаг. Он не выпустит тебя из-под своей опеки.

Желанные дети так и не появлялись, чему Адам тоже быстро нашел объяснение:

— Чтобы зачать ребенка, у женщины должен быть определенный настрой. У нее должно быть время вслушаться в себя. Политика — вечная гонка. До сих пор ты знала только эту гонку и называла ее своей жизнью. Я же не говорю, что ты должна скатиться до уровня домохозяйки. «Джорнел» нравятся твои статьи, и без работы ты не останешься. Но газета дает тебе свободу, какой у тебя никогда не будет в политике.

Доводы Адама звучали вполне убедительно, и Нелл тогда решила не участвовать в выборах. Сейчас же, слушая доводы деда, виртуозно умевшего взмахнуть кнутом и тут же показать пряник, она сознавала: ей мало лишь писать о большой политике, анализируя и прогнозируя действия других. Нелл хотелось самой быть частью большой политики.

Макдермотт ждал ее ответа.

— Мак, давай говорить начистоту. Адам — мой муж, и я люблю его. Ты же никогда его не любил.

— По-женски, разумеется, нет.

— Хорошо, я скажу по-другому. С тех пор как Адам открыл собственную фирму, ты буквально готов его прибить. Если я ввяжусь в избирательную кампанию, все у нас с тобой пойдет как в прежние времена. Опять вместе, с утра до позднего ве-

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	7
СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ.	
8 ИЮНЯ, ЧЕТВЕРГ	13
9 ИЮНЯ, ПЯТНИЦА	35
14 ИЮНЯ, СРЕДА	97
15 ИЮНЯ, ЧЕТВЕРГ	131
16 ИЮНЯ, ПЯТНИЦА	175
17–18 ИЮНЯ, СУББОТА И ВОСКРЕСЕНЬЕ . .	204
19 ИЮНЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК	213
20 ИЮНЯ, ВТОРНИК	250
21 ИЮНЯ, СРЕДА	281
22 ИЮНЯ, ЧЕТВЕРГ	315
23 ИЮНЯ, ПЯТНИЦА	366
7 НОЯБРЯ, ЧЕТВЕРГ.	
ДЕНЬ ВЫБОРОВ	433
ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ	440